

Герберт Уэллс

Любовь и мистер Люишем

Перевод с английского
Нины Емельяниковой

ФТМ

Герберт Уэллс

Любовь и мистер Люишем

«ФТМ»

1900

Уэллс Г. Д.

Любовь и мистер Люишем / Г. Д. Уэллс — «ФТМ», 1900

ISBN 978-5-4467-3403-0

Жизнь мистера Люишема, честолюбивого молодого человека, расписана на несколько лет вперед – диплом университета, всестороннее образование, знание пяти-шести языков, и все это к двадцати четырем годам! Но когда в его жизни появляется любовь, Люишем вынужден изменить «схеме» ради семьи. В романе развивается мысль о важности отдельного человека, его индивидуального подхода к жизни и согласия между мужчиной и женщиной. Как писал сам Герберт Уэллс, «основной материал для романа – то, как люди приспособляются друг к другу».

ISBN 978-5-4467-3403-0

© Уэллс Г. Д., 1900

© ФТМ, 1900

Содержание

Глава I	5
Глава II	9
Глава III	14
Глава IV	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Герберт Уэллс

Любовь и мистер Люишем

Глава I

Знакомит с мистером Люишем

В первой главе ничего не говорится о Любви – эта участница событий появляется лишь в главе третьей, – а пока мы застаем мистера Люишема за работой. Речь пойдет о событиях десятилетней давности, и в те годы он был младшим учителем в частной школе в городке Хортли графства Суссекс; жалование его составляло сорок фунтов в год, из коих он должен был в течение учебного года платить пятнадцать шиллингов в неделю владелице маленькой лавки на Вест-стрит миссис Манди, у которой жил и столовался. «Мистером» его звали для отличия от великовозрастных мальчишек, пока еще обязанных учиться, а от них строго-настрого требовалось, чтобы, обращаясь к нему, они величали его «сэр».

Он носил костюм из магазина готового платья; борта и рукава его черного, строгого покроя сюртука были припорошены мелом, лицо покрыто первым пушком, а на губе определенно намечались усы. Это был приятный на вид юноша, восемнадцати лет, светловолосый, довольно плохо подстриженный, в очках на крупном носу – очки ему были совершенно не нужны, – он носил их ради поддержания дисциплины, чтобы казаться старше. В тот самый момент, когда начинается наше повествование, он находился у себя в комнате. То было чердачное помещение со слуховыми окошками в свинцовых рамах, покатым потолком и вспученными стенами, оклеенными, как свидетельствовали многочисленные надрывы, не одним слоем цветастых старомодных обоев.

Судя по убранству комнаты, мистера Люишема больше занимали мысли о Величии, нежели о Любви. Над изголовьем его кровати, например, где добрые люди вешают изречения из Библии, находились начертанные четким, крупным, по-юношески вычурным почерком следующие истины: «Знание – сила», «Что сделал один, способен сделать другой» (под словом «другой» подразумевался, конечно, сам мистер Люишем). Эти истины не полагалось забывать ни на минуту. Каждое утро, когда голова мистера Люишема пролезала сквозь ворот рубашки, он мог вновь освежать их в своей памяти. А над выкрашенным желтой краской ящиком – на нем из-за отсутствия полок размещалась личная библиотека мистера Люишема – висела его «Programma». (Почему не просто «Программа», на этот вопрос мог бы ответить лучше моего редактор «Чэрч-таймс», который называет отдел литературной смеси «Varia».) В этой «Программе» год 1892-й был указан как срок, когда мистеру Люишему предстояло сдать при Лондонском университете экзамен на степень бакалавра «с отличием по всем предметам», а 1895-й отмечен «золотой медалью». Дальше, своим чередом, должны были последовать «брошюры либерального направления» и тому подобные вещи. «Тот, кто желает управлять другими, должен прежде всего научиться управлять собой» – было написано над умывальником, а возле двери, рядом с выходной парой брюк, висел портрет Карлейля.

Это были не пустые угрозы окружающему миру: действия уже начались. Растолкав Шекспира, эмерсоновские «Опыты» и «Жизнь Конфуция» в дешевом издании, стояли потрепанные и помятые учебники, несколько превосходных пособий «Всеобщей ассоциации заочного образования», тетради, чернила (красные и черные) в грошовых бутылочках и резиновая печатка с вырезанным на ней именем мистера Люишема. Полученные от Южно-Кенсингтонского колледжа голубовато-зеленые свидетельства о прохождении курса начертательной геометрии, астро-

номии, физиологии, физиографии и неорганической химии украшали третью стену. А к портрету Карлейля был приколот список французских неправильных глаголов.

Над умывальником, к которому угрожающе близко скосом подступала крыша – ведь обитал мистер Люишем в мансарде, – канцелярская кнопка удерживала расписание дня. Мистеру Люишему надлежало вставать в пять утра, а свидетелем тому, что это не пустое хвастовство, был американский будильник, стоявший на ящичке возле книг. Подтверждали это и кусочки шоколада на бумажной тарелочке у изголовья постели. «До восьми – французский» – кратко извещало расписание. На завтрак полагалось двадцать минут; затем двадцать пять минут – не больше и не меньше – посвящалось литературе, то есть заучиванию отрывков (в основном риторического характера) из пьес Вильяма Шекспира, после чего следовало отправляться в школу и приступать к выполнению своих непосредственных обязанностей. На перерыв и час обеда расписание назначало сочинение из латыни (на время еды, однако, предписывалась опять литература), а в остальные часы суток занятия менялись в зависимости от дня недели. Ни одной минуты дьяволу с его «искушениями». Только семидесятилетний старец имеет право и время на праздность.

Подумать только, до чего превосходное расписание! Встать и приступить к работе в пять утра, когда весь мир вокруг тебя еще хранит горизонтальное положение и видит сны, нежась в тепле, а тот, кого вдруг разбудили, глупо таращит глаза и тотчас же, ворча и вздыхая, снова поворачивается на бок и засыпает. В восемь за плечами уже трехчасовая работа, то есть на три часа больше знаний, чем у любого другого человека. На освоение иностранного языка требуется, как объяснял мне один известный ученый, около тысячи часов упорного труда; а если вы уже знаете три-четыре языка, то потребуется гораздо меньше времени и можно освоить по языку в год, занимаясь только перед завтраком. Владение языками – к вашим услугам, стоит лишь руку протянуть! Или взять литературу – удивительная идея! Послеобеденные часы – математика и естественные науки. Что может быть проще и одновременно величественнее? Через шесть лет мистер Люишем будет владеть пятью или шестью языками, получит глубокое, всестороннее образование и усвоит привычку к сказочному трудолюбию, и все это к двадцати четырем годам. У него уже будет диплом университета и приличные средства к существованию. Надо думать, и брошюры либерального направления тоже не окажутся пустяками. Можно себе представить, что ждет мистера Люишема в тридцать лет. Конечно, по мере приобретения жизненного опыта подвергнется кое-каким изменениям и «Programma», но дух ее не изменится, и дух этот – всепоглощающее пламя!

Он сидел лицом к ромбовидному окну и быстро-быстро что-то писал. Столом ему служил второй желтый ящик, поставленный стоймя; крышка ящика была откинута, поэтому колени мистера Люишема удобно устроились внутри. На постели были навалены книги и размноженные на ротاپринте многочисленные инструкции его заочных наставников. Согласно висевшему на стене расписанию, мистер Люишем, как вы могли бы убедиться, занимался переводом с латинского языка на английский.

Мало-помалу скорость письма уменьшилась. Дело разладилось на «Urit me Glycerose nitro»¹. Эта фраза никак не давалась ему. «Urit me», – пробормотал он, и взгляд его, оторвавшись от книги, переместился на видневшуюся из окна крышу дома священника с ее обвитыми плющом печными трубами. Его лоб, сначала нахмуренный, теперь разгладился. «Urit me»! Прикусив зубами кончик ручки, он огляделся в поисках словаря. «Utare»?

Внезапно выражение его лица изменилось. Рука, протянутая к словарю, опустилась. Он прислушался к доносившемуся с улицы легкому постукиванию. Это были шаги.

Он вскочил и, вытянув шею, старался сквозь стекла ненужных ему очков и ромбовидные стекла окна разглядеть, что там на улице. Прямо под собой, внизу, он увидел шляпку, затей-

¹ Сжигает меня Гликеры ослепительная краса (*лат.*)

ливо украшенную бело-розовыми цветами, плечо, кончик носа и подбородок. Ну да, это она, та самая незнакомка, которая в прошлое воскресенье сидела под хорами возле Фробишеров. Тогда он тоже видел ее лишь краем глаза...

Он следил за ней, пока она не исчезла из поля зрения. Попытался даже проводить ее взглядом за угол...

Затем, вздрогнув, нахмурился и вынул ручку из рта.

– Как я отвлекаюсь! – сказал он. – И по каждому пустяку! Где я остановился? Фу! – с шумом выдохнул он воздух, выражая этим свое раздражение, и сел, снова засунув колени в открытый ящик. – *Urit me*, – повторил он, кусая кончик пера и отыскивая словарь.

Была среда, в этот день занятий в школе не было. Стоял конец марта, и весенний день был великолепен своим янтарным светом, ослепительно белыми облаками и густо-синим небом; тут и там среди ветвей деревьев мелькали брызги яркой зелени, возбужденно и радостно чирикали птицы – радостный день, волнующий, зовущий, истинный вестник лета, близость которого уже чувствовалась в воздухе. Теплая земля раздавалась под натиском набухших семян, а в хвойных лесах, чуть слышно потрескивая, лопались чешуйчатые почки. И не только земля, воздух и деревья внимали зову матери-природы, он волновал и юношескую кровь мистера Люишема, побуждая его к жизни, жизни совсем иной, нежели та, к какой звала его «Programma».

Он увидел словарь, выглядывавший из-под газеты, нашел «*Urit me*», оценил сверкающий «*nitro*» плеч Гликеры, снова отвлекся и снова одернул себя.

– Не могу сосредоточиться, – сказал мистер Люишем.

Он снял свои бесполезные очки, протер стекла и сощурился. Проклятый Гораций с его эпитетами! Пойти разве погулять?

– Не поддамся, – заупрямился он, нацепил на нос очки и с воинственной решительностью, положив локти на ящик, вцепился руками в волосы...

Через пять минут он поймал себя на том, что следит за ласточками, скользящими в синеве над садом священника.

– Ну виданное ли это дело? – воскликнул он сердито, хотя и несколько неопределенно. – А все поблажки; работать сидя – это уже наполовину лень.

Итак, он поднялся, чтобы стоя продолжать работу, но теперь его взору открылась вся улица. «Если она повернула за угол у почты, то сейчас появится за огородами», – предположил неизведанный и недисциплинированный уголок в сознании мистера Люишема...

Она не появилась. Значит, она вовсе и не свернула у почты. Интересно, куда же она девалась? Может быть, она ходит на окраину города, гуляет по аллее?... Внезапно небольшая тучка закрыла солнце, сверкающая улица померкла, и мысли мистера Люишема стали послушными. И «*Mater saeva cupidinum*» – «Неукротимая мать желаний» – для подготовки к экзамену университет рекомендовал мистеру Люишему Горация («Оды», книга II) – была все-таки переведена до самого ее пророческого конца.

Как только церковные часы пробили пять раз, мистер Люишем с пунктуальностью, в которой было, пожалуй, слишком много поспешности для истинно серьезного студента, захлопнул Горация и, взяв в руки Шекспира, спустился по узкой, не покрытой ковром лестнице в столовую, где его ждал чай в обществе его квартирной хозяйки миссис Манди. Эта добрая женщина сидела в одиночестве, но, обменявшись с ней несколькими любезностями, мистер Люишем открыл своего Шекспира и, начав с отмеченного им места – это место, между прочим, приходилось на середину сцены, – принялся читать, машинально поглощая в то же время куски хлеба, намазанные черничным вареньем.

А миссис Манди глядела на него поверх очков и думала о том, как, должно быть, вредно для зрения так много читать, пока звяканье дверного колокольчика в лавке не возвестило о приходе очередного покупателя. Без двадцати пяти шесть мистер Люишем положил книгу

обратно на подоконник, стряхнул с пиджака крошки и, надев свою шапочку с квадратным верхом, что лежала на чайнице, отправился в школу на вечернее «дежурство».

Улица была пустынна и залита золотым дождем заката. Это зрелище так захватило его, что он забыл повторить отрывок из «Генриха VIII», что надлежало сделать по пути в школу. Он шел и снова думал о том, что увидел мельком сегодня из своего окна, о чьих-то подбородках и носиках... Взгляд его стал задумчивым.

Дверь школы услужливо отворил маленький мальчик, который ждал, чтобы у него проверили написанные им «строчки».

Мистер Люишем вошел, дверь за ним захлопнулась, и он сразу очутился в другом мире. Типично школьный вестибюль с его желтыми под мрамор обоями, где по стене тянулся длинный ряд крючков для головных уборов, в стойке торчали старые зонты, а в углу валялась чья-то школьная шапочка с продавленным верхом и растерзанный на листки учебник «Principia», казался тусклым и мрачным по сравнению с блистательным закатом трепетного мартовского вечера. Непривычное чувство серости и однообразия жизни учителя, жизни всех, кто посвятил себя науке, на мгновение пришло к мистеру Люишему. Он взял «строчки», неуклюже выписанные на трех тетрадных страницах, и перечеркнул каждую страницу чудовищных размеров подписью «Д. Э. Л.». В отворенную дверь классной комнаты доносился знакомый шум с площадки для игр.

Глава II «Когда подует ветер»

Слабым местом в пентаграмме расписания, в той самой пентаграмме, которой надлежало оградить мистера Люишема от злых духов-искусителей на его пути к Величию, было отсутствие параграфа, запрещающего заниматься наукой вне дома. Недостаток этот стал очевидным на другой день после описанных в предыдущей главе событий, когда мистер Люишем поймал себя на пошлом подглядывании из окна. День этот оказался еще обольстительнее и прекраснее, чем канун его, и в половине первого, вместо того чтобы после занятий в школе поспешить прямо домой, мистер Люишем не пренебрег возможностью пройтись – с Горацием в кармане – к воротам парка, а оттуда по длинной аллее, окаймленной старыми деревьями, которая тянется по окраине городка Хортли. Ему без труда удалось отогнать мелькнувшее было сомнение в серьезности собственных намерений. На аллее не встретишь ни души, там можно спокойно почитать. Провести время на свежем воздухе, на ходу, гораздо полезнее, чем сидеть, скрючившись, в душной, мрачной комнате. Свежий воздух укрепляет здоровье, закаляет, бодрит...

День был ветренный, и покрытые почками ветви деревьев непрерывно шелестели. Лучи солнца пронизывали сплетенные сучья буков и золотили нижние ветви, украшенные стрелками молодых побегов.

«Tè, nisi ventis
Debes, ludibrium, cave»², –

вот о чем заставлял себя думать мистер Люишем, по привычке стараясь держать книгу открытой сразу в трех местах: на тексте, примечаниях и подстрочном переводе, – и в то же время отыскивая в словаре слово «ludibrium», когда его взгляд, с опасностью для дела блуждавший на самом верху страницы, поднялся еще выше и с невероятной быстротой скользнул вдоль по аллее...

Навстречу шла девушка в украшенной белыми цветами соломенной шляпке. Она тоже была погружена в науку и так сосредоточенно делала какие-то записи, что, вероятно, даже не замечала его.

Непонятные чувства вдруг захватили мистера Люишема, чувства, совершенно необъяснимые чисто случайной встречей. Прозвучал даже какой-то шепот, подозрительно похожий на слова: «Это она!» Заложив пальцами страницу, он шел ей навстречу, готовый при первом ее взгляде снова зарыться в текст, и следил за ней поверх книги. Слова «ludibrium» для него больше не существовало. Она же, увлеченная своим писанием, явно не замечала его присутствия. Интересно, что она пишет? Ее склоненное лицо казалось детским. На ней была короткая – выше щиколоток – юбка, которая развевалась по ветру, открывая ножки, обутые в туфельки. Ступала она – он приметил – легко и грациозно. Залитая солнцем фигурка – олицетворение здоровья и легкости – приближалась к нему, и все это, как он потом с удивлением вспоминал, вовсе не предусматривалось его «Программой».

Не подымая глаз, она подходила все ближе и ближе. Он был полон смутного и нелепого желания без всякого повода, так вот попросту подойти к ней и заговорить. Удивительно, как это она его не замечает. С замиранием сердца он ждал того мгновения, когда она поднимет взгляд, хотя чего тут, собственно, было ждать!.. Он подумал о том, каким предстанет ей, когда она обратит на него взор, – интересно, куда свешивается кисточка его шапочки, иногда она

² Берегись, не то станешь игрушкой (лат.). Гораций, I, «14 ветров».

падает прямо на глаза. Разумеется, сейчас не время было отыскивать рукой эту злосчастную кисточку. Дрожь волнения охватила его. И шаг, обычно машинальный, стал неуверенным и тяжелым. Словно ему еще никогда в жизни не доводилось ни с кем встречаться на дороге. Расстояние между ними все сокращалось, осталось десять ярдов, девять, восемь. Неужели она пройдет, так и не взглянув на него?..

И тут их взоры встретились. У нее были карие глаза, и мистер Люишем, совершенный дилетант в такого рода делах, не мог подыскать слов для их описания. Она сдержанно глянула ему в лицо, но, казалось, ничего интересного в нем не нашла. А потом перевела свой взгляд на гущу деревьев и прошла мимо, и снова перед ним была лишь пустынная аллея, залитая солнцем, окропленная зеленью пустота.

Все кончено.

Но вдруг откуда-то издалека налетел шумный ветер, и в то же мгновение все ветки над головой пришли в движение, зашелестели и заскрипели. Казалось, его гнало прочь от нее. Прошлогодние листья, когда-то зеленые, а теперь увядшие, и молодые листочки – все понеслось, обгоняя друг друга, подпрыгивая, танцуя и кружась, как вдруг что-то большое припало на мгновение к его затылку, потом рванулось в сторону и тоже понеслось вдоль по аллее.

Что-то ярко-белое! Листок бумаги, листок, на котором она писала.

Сначала он не разобрал, что случилось. Но потом бросил взгляд назад и внезапно понял все. Неловкость его исчезла. С Горацием в руке он бросился вдогонку за листком и через десять шагов настиг беглеца. Торжествуя, он повернулся к ней со своей добычей. Он успел бросить взгляд на исписанную страницу, но поначалу, в увлечении, не осознал увиденного. И только сделав шаг к ней навстречу, вдруг понял, что это было. Одинаковые строки, прописные буквы! Неужели это?.. Он остановился. Подняв брови, снова взглянул на листок. Он держал его прямо перед собой и читал без всякого стеснения. На листке стилографическим пером было выведено:

«ПРИДИ! О, СКОРЕЙ!»

И снова:

«ПРИДИ! О, СКОРЕЙ!»

И снова:

«ПРИДИ! О, СКОРЕЙ!»

«ПРИДИ! О, СКОРЕЙ!»

И так далее; вся страница была исписана мальчишеским почерком, удивительно похожим на почерк Фробишера-второго.

Сомневаться не приходилось!

– Послушайте! – сказал мистер Люишем, не веря своим глазам и от удивления забывая о приличии... Он прекрасно помнил, как задал Фробишеру-второму тридцать раз переписать эту фразу в наказание за то, что тот слишком громко произнес ее на уроке. Значит, вместо мальчика писала она. Это совсем не вязалось с тем смутным суждением, которое он успел о ней составить. Почему-то казалось, что она его обманула. Но, разумеется, это длилось всего лишь секунду.

Она подошла к нему.

– Можно мне взять мой листок? – спросила она, чуть запыхавшись.

Она была дюйма на два ниже его. «Заметил ли ты ее полуоткрытые губки?» – шепнула мать-природа мистеру Люишему (он вспомнил об этом позднее). В ее глазах чуть трепетало какое-то опасение.

– Послушайте, – сказал он, все еще негодуя, – этого делать не следует.

– Чего этого?

– Вот этого. Дополнительную работу. За моих учеников.

Она подняла брови, но тотчас снова их нахмурила и взглянула на него.

– Значит, вы мистер Люишем? – удивилась она, словно эта мысль ей и в голову не приходила.

Она прекрасно знала, кто он, и именно поэтому взялась писать «строчки»; но делала вид, будто не знает его, что давало ей возможность затеять разговор.

Мистер Люишем кивнул.

– Боже мой! Значит, вы поймали меня?

– Боюсь, что так, – ответил Люишем. – Боюсь, что я действительно вас поймал.

Они смотрели друг на друга, ожидая, что будет дальше. Она решила просить о снисхождении.

– Тедди Фробишер – мой двоюродный брат. Я знаю, что плохо поступила, но у него куча дел и ему так не везет. А мне нечего делать. По правде говоря, это я предложила...

Она замолчала и посмотрела на него, считая, по-видимому, что этих доводов достаточно.

Их глаза встретились, и это привело обоих в странное смущение. Он попытался продолжить разговор о «строчках» Фробишера.

– Вам не следовало этого делать, – повторил он, не сводя с нее глаз.

Она опустила взгляд, потом снова посмотрела ему в лицо.

– Да, – сказала она. – Наверное, не следовало. Извините, пожалуйста.

Ее манера то опускать, то поднимать глаза опять произвела на мистера Люишема какое-то странное действие. Ему казалось, что разговор у них идет совсем не о том, о чем они говорят, – предположение явно нелепое, которое можно объяснить только полным сумбуром в его мыслях. Он предпринял еще одну серьезную попытку сохранить за собой солидную позицию человека, делающего внушение.

– Знаете, я бы все равно заметил, что почерк не его.

– Разумеется. Я поступила очень дурно, уговорив Тедди. Виновата только я, уверяю вас. Ему так трудно. И я подумала...

Она снова замолчала, и румянец на ее щеках стал чуть ярче. Внезапно юноша почувствовал, что его собственные щеки тоже, как это ни глупо, запылали. Необходимо было избавиться наконец от этого ощущения двойственности в разговоре.

– Поверьте, – сказал он, на сей раз от души, – я никогда не наказываю, если ученик того не заслужил. Я взял себе это за правило. Я... гм... всегда придерживаюсь этого правила. Я очень, очень осторожен.

– Мне, право, страшно жаль, – перебила она его, искренне раскаиваясь. – Я поступила глупо.

Люишему было ужасно неловко слушать ее извинения, и он поспешил ответить, полагая, что тем самым стонит разливавшуюся по лицу краску.

– Этого я не думаю, – возразил он с несколько запоздалой торопливостью. – Напротив, вы поступили очень мило... Это очень мило с вашей стороны. И я знаю... Мне вполне понятно, что... гм... ваша доброта...

– Толкнула меня на необдуманный поступок. А теперь еще и бедняжку Тедди ждут большие неприятности за то, что он позволил мне...

– О нет, – возразил мистер Люишем, спеша воспользоваться случаем и стараясь не улыбаться от гордости за свое благородство. – Я не имел права заглядывать в листок, когда поднял его, абсолютно никакого права. А следовательно...

– Вы не придадите этому значения? Правда?

– Конечно, нет, – ответил мистер Люишем.

Ее лицо осветилось улыбкой, и у мистера Люишема тоже сразу стало легче на душе.

– А что же тут особенного? Ведь это только справедливо.

– Однако многие поступили бы иначе. Школьные учителя не всегда ведут себя так... по-рыцарски.

Он ведет себя по-рыцарски! Эта фраза взбудорила его, как хорошая шпора коня. И он с готовностью рванулся вперед.

– Если вам угодно... – начал он.

– Что?

– Он может этого и не делать. Дополнительную работу, хочу я сказать. Я освобождаю его.

– Правда?

– Да.

– Это очень мило с вашей стороны.

– Ну что вы! – сказал он. – Какие пустяки! Если вы действительно считаете...

Его переполняло чувство восхищения собой за это вопиющее попрание справедливости.

– Это очень мило с вашей стороны, – повторила она.

– Пустяки, – еще раз подтвердил он, – сущие пустяки.

– Большинство людей никогда бы...

– Я знаю.

Наступило молчание.

– Не стоит беспокоиться, – сказал он. – Честное слово.

Кажется, он все бы отдал, лишь бы сказать еще что-нибудь, остроумное и забавное, но ничто не шло на ум.

Молчание длилось. Она оглянулась на пустую аллею. Их разговор из невысказанных, но таких важных фраз подходил к концу. Она нерешительно взглянула на него, снова улыбнулась и протянула руку. Конечно, так и следовало поступить. Он взял ее руку, тщетно подыскивая в своем беспомощном, смятенном разуме подходящие слова.

– Это очень мило с вашей стороны, – еще раз произнесла она.

– Пустяки, уверяю вас! – повторил мистер Люишем, по-прежнему тщетно подыскивая хоть какое-нибудь замечание, которое могло бы послужить переходом к новой теме. Ее рука была прохладной, нежной и в то же время крепкой – пожимать ее было так приятно, и это ощущение на секунду вытеснило все остальные. Он держал ее руку в своей и не находил слов.

Они спохватились, что стоят, держась за руки. И оба засмеялись в смущении. Они обменялись дружеским рукопожатием и с неловкой поспешностью отдернули руки. Она повернулась, кинув на него еще один робкий взгляд через плечо, помедлила в нерешительности, потом сказала:

– Прощайте, – и быстро зашагала прочь.

Он поклонился ей вслед, широко взмахнув на старинный лад своей шапочкой, и тут какие-то до сих пор дремавшие тайники его разума взбунтовались.

Не успела она отойти на шесть шагов, как он снова был рядом.

– Послушайте, – сказал он, пугаясь собственной робости и приподнимая свой головной убор с такой неловкой торжественностью, будто поравнялся с похоронной процессией, – но этот листок бумаги...

– Да? – сказала она с удивлением, на сей раз вполне искренним.

– Можно мне взять его?

– Зачем?

У него захватило дух от радостного волнения, как бывает, когда скользишь по крутому склону снежной горы.

– Мне хотелось бы его сохранить.

Подняв брови, она улыбнулась, но он был слишком взволнован, чтобы ответить улыбкой.

– Видите? – сказала она и протянула руку со скомканным в шарик листком. Она засмеялась, но несколько принужденно.

– Мне все равно, – ответил мистер Люишем, тоже засмеявшись.

Решительным жестом он схватил листок и дрожащими пальцами разгладил его.

– Вы не против? – спросил он.

– Против чего?

– Если я сохранию его?

– Нет, отчего же...

Молчание. Глаза их снова встретились. Странное чувство скованности возникло у обоих, немота стучала в висках.

– Мне в самом деле пора идти, – вдруг сказала она, осмелившись нарушить чары. И, повернувшись, ушла, а он остался с измятым листком в той же руке, что держала книгу, между тем как другая почтительно поднимала на прощание шапочку.

Он не отрывал глаз от ее удаляющейся фигурки. Сердце его билось с необычайной быстротой. Как легко, как изящно она двигалась! Маленькие круглые пятнышки солнечного света бежали по ее платью. Сначала она шла быстро, потом замедлила шаг, даже повернула слегка голову, но ни разу не оглянулась, пока не очутилась у ворот парка. Тут она, маленькая, далекая фигурка, обернулась, дружески махнула на прощание рукой и исчезла.

Лицо его горело, глаза блестели. Как это ни странно, но он никак не мог отдышаться. Еще долго стоял он, глядя на опустевшую аллею, пока наконец не вспомнил о своем трофее, прижатом к переплету забытого Горация.

Глава III

Чудесное открытие

По воскресным дням Люишем обязан был дважды водить воспитанников в церковь. Мальчики сидели на хорах выше певчих, лицом к органу и боком к собранию. Они были на виду у всех, и он испытывал мучительную неловкость от того, что обращает на себя внимание; правда, порой на него нападало редкостное тщеславие, и тогда он воображал, что все люди восхищаются его высоким челом, на коем столь гармонично отразились все его дипломы. В те дни он был высокого мнения о своих дипломах и о своем челе и весьма невысокого о своем юношески открытом лице. (Сказать по правде, в его челе не было ничего примечательного.) Он редко смотрел вниз на собрание, чувствуя, что встретил бы взоры всех присутствующих, устремленные прямо на него. Поэтому и в то утро он не заметил, что скамья Фробишеров до самого конца службы пустовала.

Но вечером по пути в церковь Фробишеры и их гостя пересекали рыночную площадь как раз в тот момент, когда по дальней ее стороне шла вереница школьников. На девушке было нарядное платье, как будто уже наступила Пасха, а ее лицо, обрамленное темными волосами, показалось Люишему странно новым и вместе с тем знакомым. Она преспокойно взглянула на него. Ему было страшно неловко, и он уже хотел было сделать вид, будто не замечает ее. Но затем, смутившись, рывком приподнял свою квадратную шапочку – ведь его приветствие могло предназначаться и миссис Фробишер. Ни та, ни другая дама не ответили на его поклон, сочтя его, вероятно, несколько неожиданным. А в этот момент юный Сиддонс уронил свой молитвенник, нагнулся его поднять, и Люишем, натолкнувшись на мальчика, чуть было не упал.

...В церковь он вошел в состоянии полного отчаяния.

Но утешение не заставило себя долго ждать. Он ясно видел, что, усаживаясь, она бросила взгляд на хоры, а позднее, когда он, преклонив в молитве колени, сквозь пальцы посмотрел вниз, взгляд ее вновь был обращен на хоры. Нет, она над ним не смеялась.

В те дни в душе Люишема было немало белых пятен. Он верил, например, что всегда остается разумным существом, между тем как на самом деле в определенных обстоятельствах он легко терял всю свою рассудительность и выдержку и оказывался целиком во власти чувств и фантазий. Музыка, например, особенно пение, если голоса звучали в унисон, уносила его в заоблачные выси, он забывал обо всем, им овладевало глубокое радостное волнение. И вечерняя служба в Хортлийской церкви, когда священник надевал стихарь и когда при трепетном мерцании свечей голос священника сменялся песнопениями, а все собрание разом то опускалось на колени, то вновь садилось на скамьи и в один голос отзывалось на слова пастыря, – все это неизменно опьяняло его. Даже вдохновляло, если хотите, преобразуя прозу его жизни в поэзию. И случай, придя на помощь природе, кое-что подсказал ему, теперь особенно восприимчивому к намекам.

Второй гимн был простым и всем хорошо известным; в нем говорилось о вере, надежде и благодати, и каждая его строфа заканчивалась словом «любовь». Вообразите, как это должно звучать, пропетое медленно и протяжно:

Вера обратится в знание,
А надежда – в ликование.
Вечно лишь любви сиянье –

Ниспошли же нам любовь³.

При третьем повторении этого рефрена Люишем посмотрел мимо алтаря вниз и на мгновение встретился взглядом с ней.

Голос его вдруг оборвался. Но тут он вспомнил, что там, внизу, целые ряды лиц обращены к нему, и он не осмелился еще раз взглянуть на нее. Он чувствовал, что кровь приливает к его лицу.

Любовь! Она выше веры и надежды. Она выше всего на свете. Выше, чем слава. Выше, чем знания. Это великое открытие потоком хлынуло в его душу, вместе с мелодией гимна затопляя ее, и одновременно краска залила ему все лицо до корней волос. Все, что было потом, служило лишь фоном для этой блистательной истины, смутным фоном, в котором преобладало изумление: он, мистер Люишем, влюблен.

«А-минь». Он был так поглощен своим открытием, что, когда все молящиеся уже уселись на свои места, он все еще продолжал стоять. Он рывком и с таким шумом опустился на скамью, что эхо, казалось, оповестило об этом движении всю церковь.

Когда они вышли на паперть в сгущающиеся сумерки, ему казалось, что он повсюду видит ее. Ему почудилось, что она ушла вперед, и он настойчиво торопил своих подопечных в надежде ее догнать. Они пробирались сквозь толпу расходившихся по домам людей. Поклониться ли ей еще раз?.. Но оказалось, что это не она, а одетая в светлое платье Сузи Хопброу, ворона в перьях голубки. Он испытал странное чувство облегчения и одновременно разочарования. Больше в этот вечер ему не суждено было ее увидеть.

Из школы он поспешил к себе домой. Ему очень хотелось побыть одному. Он поднялся в свою мансарду и сел перед перевернутым ящиком, на котором лежала открытая «Аналогия» Батлера. Он не стал зажигать свечу. Откинувшись на спинку стула, он бездумно созерцал одинокую звезду, что висела над садом священника.

Он вынул из кармана помятый листок бумаги, исписанный почерком, похожим на почерк Фробишера-второго, – листок был разглажен и тщательно сложен, – и, чуть помедлив от смущения, приложил это сокровище к губам. «Programma» и расписание белели в темноте, как призраки своего собственного былого величия.

Миссис Манди пришлось трижды звать его к ужину.

Поужинав, он тотчас вышел из дому и бродил под звездами до тех пор, пока снова не очутился на холме за пределами города. Он взобрался по склону его до перелаза, откуда был виден дом Фробишеров. Только одно окно светилось, и он решил, что это ее окно. В действительности же за шторой этого окна тридцативосьмилетняя миссис Фробишер крутила свои папилютки – она предпочитала бумажки, потому что они не так вредны для волос, – и между делом обсуждала с лежавшим уже в постели мистером Фробишером поведение некоторых соседей. Затем она поднесла к зеркалу свечу, чтобы исследовать небольшое пятнышко на лице, причинявшее ей серьезное беспокойство.

А на холме стоял восемнадцатилетний мистер Люишем и добрых полчаса следил за продолговатым пламенем свечи, пока оно не погасло и весь дом не погрузился в полный мрак. Тогда он глубоко вздохнул и в самом восторженном настроении вернулся домой.

На следующее утро он проснулся с весьма серьезными мыслями, правда, воспоминания его о вчерашнем дне были не совсем отчетливы. Взгляд его упал на часы. Было уже шесть, а он не слышал будильника; оказывается, он позабыл его завести. Он тотчас вскочил с постели и наступил на свои парадные брюки, которые, вместо того чтобы аккуратно сложенными висеть на стуле, в беспорядке валялись на полу. Намыливая лицо, он попытался, согласно своим правилам, припомнить прочитанное накануне. Но, хоть убейте, не мог ничего вспомнить. Истина

³ Перевод В. Микушевича.

открылась ему, когда он надевал рубашку. Голова его на полпути к вороту вдруг остановилась, манжеты, болтавшиеся в воздухе, на мгновение повисли в неподвижности.

Затем голова медленно вынырнула на свет божий. На лице его застыло изумление. Он вспомнил. Он вспомнил все случившееся, но вспомнил, как обычную новость, без малейшего волнения. Со всей бесцветной прозаичностью раннего, серого утра.

Да. Теперь он помнил совершенно отчетливо. Вчера он ничего не прочел. Он влюбился.

Потом эта мысль вдруг споткнулась о какое-то препятствие. Некоторое время он стоял, глядя перед собой, затем с рассеянным видом принялся отыскивать запонку для воротника. Возле «Программы» он остановился и скользнул по ней взглядом.

Глава IV

Удивленно поднятые брови

– О работе все равно забывать не следует, – говорил себе мистер Люишем.

Но никогда еще не были так заманчивы перспективы занятий на свежем воздухе. Перед завтраком он около получаса читал, расхаживая по переулку возле дома Фробишеров, а в перерыве между завтраком и началом уроков в школе бродил с книгой в руках по аллее; из школы к себе домой он возвращался кружным путем, чтобы еще раз пройти по аллее, а перед вечерними занятиями минут тридцать или около того снова провел там. Во время этих штудий на открытом воздухе мистер Люишем если не смотрел вверх своей книги, то глядел назад, через плечо. И наконец кого же он увидел? Подумать только! Ее.

Он увидел ее краешком глаза и тотчас отвернулся, делая вид, будто ничего не заметил. Необычное волнение охватило все его существо. Руки изо всех сил стиснули книгу. Напряженно прислушиваясь к ее приближению, он не оглянулся вторично, а продолжал медленно и упорно идти вперед, читая оду, перевести которую не смог бы даже под страхом смерти. Спустя несколько секунд, нескончаемых, как вечность, у него за спиной послышались легкие шаги и шелест юбок.

Словно железные тиски сдавили ему голову, не позволяя ей повернуться назад.

– Мистер Люишем! – послышался совсем рядом ее голос. Он судорожно повернулся и неуклюже приподнял свою шапочку.

Она протянула руку; чуть замешкавшись, он схватил ее и держал в своей до тех пор, пока она ее не отняла.

– Я так рада, что мы встретились, – сказала она.

– Я тоже, – простодушно отозвался Люишем.

С минуту они стояли, выразительно глядя друг на друга, а затем жестом девушка выразила свое желание пройтись вместе с ним по аллее.

– Мне очень хотелось, – сказала она, глядя себе под ноги, – поблагодарить вас за то, что вы освободили Тедди от наказания. Вот почему мне хотелось повидаться с вами. – Люишем шагнул вслед за ней. – Странно, не правда ли, – добавила она, взглянув ему в лицо, – что мы снова встретились здесь, на том же самом месте? Мне кажется... Да, именно на этом месте.

Мистер Люишем не мог вымолвить ни слова.

– Вы часто бываете здесь? – спросила она.

– Видите ли... – задумался он, голос его, когда он заговорил, звучал удивительно хрипло. – Нет. Нет. То есть... Не очень часто. Иногда. По правде говоря, мне нравится здесь читать... Ну, и... заниматься. Тут так тихо.

– Вы, наверное, много читаете?

– Когда преподаешь, это необходимо.

– Но вы...

– Разумеется, я люблю читать. А вы?

– Обожаю.

Мистер Люишем был рад, что она любит читать. Он был бы разочарован, если бы она ответила иначе. И говорила она с неподдельным жаром. Она обожает читать! Это было приятно. Значит, она сумеет хоть немного его понять.

– Конечно, – продолжала она, – я не так умна, как некоторые, и читать мне приходится без разбора, что удаётся достать.

– Как и мне, – подхватил мистер Люишем. – Между прочим... вы читали... Карлейля?

Теперь беседа текла совсем свободно. Они шли рядом, а над головой у них деревья качали ветвями. Мистер Люишем был в полном восторге, который омрачало только опасение перед случайной встречей с кем-нибудь из учеников. Нет, она не особенно много читала Карлейля. Ей всегда хотелось его почитать, еще с детства, она столько о нем слышала. Она знала, что это по-настоящему великий писатель, великий из великих. Все, что она читала из его сочинений, ей понравилось. Это она может сказать. Больше, чем что-либо. И она видела в Челси дом Карлейля.

На Люишема, который знал Лондон лишь по шести-семи однодневным экскурсиям, ее последние слова произвели большое впечатление. Она становилась в его глазах чуть ли не близким другом великого писателя. Ему никогда с такой отчетливостью и в голову не приходило, что люди знаменитые тоже обитают под каким-то кровом. Несколькими штрихами она так обрисовала этот дом, что он сразу представил его себе. Она живет совсем близко, в Клэпхеме, отсюда до Челси можно идти пешком. И он, желая побольше узнать о ее жизни дома, тотчас позабыл о мелькнувшем было намерении одолжить ей «Сартор Резартус».

– Клэпхем, это ведь почти в Лондоне? – спросил он.

– О да! – ответила она, но не проявила желания рассказывать ему о своем доме подробнее. – Мне нравится Лондон, – перешла она к общей теме, – особенно зимой. – И принялась расхваливать Лондон, его публичные библиотеки, его магазины, толпы людей на улицах, возможность делать «что кому хочется», ходить в концерты, посещать театры. (По-видимому, она вращалась в довольно хорошем обществе.) – Всегда есть что посмотреть, даже если вы вышли всего лишь на прогулку, – сказала она, – а здесь и читать нечего, кроме пустых романов. Да и те не из новых.

Мистер Люишем с грустью должен был признать справедливость ее слов о культурном запустении в Хортли. Это ставило его гораздо ниже ее. Что он мог противопоставить ей? Только свою начитанность да свои аттестаты – а ведь она видела дом Карлейля!

– Здесь, – добавила она, – и поговорить не о чем. Здесь только сплетничают.

Увы, это было справедливо.

На углу, возле изгороди, позади которой на фоне голубого неба красовались увешанные серебряными сережками и усыпанные золотистой пылью ивы, они, как бы повинувшись единому желанию, повернули и пошли обратно.

– Здесь просто не с кем разговаривать, – сказала она. – Во всяком случае, в том смысле, что я называю разговором.

– Надеюсь, – решил на отчаянный шаг Люишем, – что, пока вы в Хортли...

Он вдруг запнулся, и она, проследив за его взглядом, увидела, что навстречу им движется какая-то внушительных размеров фигура в черном.

– ...мы, – закончил начатую фразу мистер Люишем, – еще раз, быть может, сумеем встретиться.

Ведь он был уже готов договориться с ней о свидании. Он думал о живописных спутанных тропинках на берегу реки. Но появление мистера Джорджа Боновера, директора Хортлийской частной школы, поразительным образом охладило его пыл. Встречу нашей юной пары устроила, несомненно, сама природа, но, допустив к ним Боновера, она явила непростительное легкомыслие.

И вот теперь, в ответственный миг, она скрылась, оставив мистера Люишема при самых неблагоприятных обстоятельствах, лицом к лицу с типичным представителем той общественной организации, которая решительно возражает *inter alia*⁴ против того, чтобы молодой неженатый младший учитель заводил случайные знакомства.

– ...еще раз, быть может, сумеем встретиться, – произнес мистер Люишем, упав духом.

⁴ Среди прочего (*лат.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.